

1. Введение

1.1 Цели и предмет исследования

Целью данной работы является контрастивный лингвистический анализ некоторых выборочных характеристик немецкого и русского языка права, исследуемых на основе текстов законов из российского и германского семейного права.

Несмотря на то, что юридический язык уже давно является предметом научной дискуссии, сравнительный анализ немецкого и русского языка законов до сих пор не предпринимался. Это еще более удивляет, ибо обе правовые системы развивались далеко не независимо друг от друга. Ведь русское правоведение с давних пор во многом ориентируется на немецкое, и особенно на гражданское право (ср., напр. SCHROEDER 1997).

Исследуемые характеристики можно распределить по четырем уровням (или областям): лексическому, морфологическому, синтаксическому и функционально-прагматическому уровням. На каждом из этих уровней должны быть выявлены сходства и различия между немецкими и русскими текстами законов.

Языковое контрастирование немецких и русских текстов законов функционально ориентировано. Под этим подразумевается, что данное исследование не ограничивается простым статистическим выявлением совокупности наиболее часто встречающихся языковых форм в тех и других текстах законов.

Цель данной работы не только описание наиболее часто встречающихся языковых средств само по себе, а скорее ответ на вопрос, какие функции выполняют либо могут выполнять предпочитаемые законодателем языковые средства в обоих текстах.

Любая законотворческая деятельность подвержена влиянию двух решающих факторов: языковой системы с одной стороны, и национальной правовой системы с другой. Эти факторы непосредственно влияют на результаты законотворческой деятельности: тексты законов. В данной работе предпринимается попытка провести языковой анализ конкретных текстов законов в свете их отношений

(связи) как с языком закона, так и с национальной системой права. Этим должно быть объяснено, чем обусловлен выбор языковых средств в немецких и русских текстах законов.

Основные цели данного исследования:

- 1) выявить арсенал (инвентарь) характерных языковых средств в немецких и русских текстах законов;
- 2) лингвистически описать эти арсеналы и сравнить полученные результаты анализа;
- 3) ответить на вопрос, насколько эти языковые арсеналы различны либо схожи, и какими факторами могут быть объяснены эти различия либо сходства.

1.2 Метод исследования

Исследование юридических текстов требует глубокого изучения способов мышления и работы юриспруденции с тем, чтобы суметь распознать проблемы, решению которых могло бы поспособствовать языкознание. Таким образом, при постановке междисциплинарного вопроса необходимо учитывать как лингвистическую, так и юридическую литературу.

Следующие принципиальные сложности необходимо было преодолеть при контрастировании немецких и русских текстов законов:

- 1) Язык сравниваемых текстов законов различен. Исследование охватывает два разных языка.
- 2) Тексты законов не идентичны, то есть в большинстве случаев они не содержат точных соответствий содержания. Один текст не является переводом другого.
- 3) Несмотря на принципиальные сходства (см. раздел 2.2.2) российская и германская системы права имеют различия, что означает различия в урегулировании юридических обстоятельств и, соответственно, в их языковом выражении („языковление“).

Система соответствующего языка и соответствующая система права оказывают влияние на тексты законов. Это означает, что на абстрактном

уровне для лингвистического анализа немецких и русских текстов законов должны учитываться четыре важных фактора:

- 1) система немецкого языка;
- 2) система русского языка;
- 3) система права Федеративной республики Германия;
- 4) система права Российской Федерации.

Проблемы были решены следующим образом:

Проблемы, связанные с различиями обеих систем права, были частично решены за счет того, что для исследования были отобраны только тексты, относящиеся к одной и той же отрасли права, а именно отрасли семейного права и содержащие схожие семейно-правовые нормы (ср. разд. 1.3).

В связи с тем, что выбранные для исследования тексты не являются идентичными, языковые явления описываются и анализируются на их частотность отдельно для каждого текста. Только после этого могут быть сделаны выводы о том, какие языковые явления наиболее часто встречаются, и какие соответствия они имеют в тексте из другой системы языка.

Всегда приводится сравнение только результатов анализа одного текста с результатами анализа другого текста. Данное исследование отталкивается от немецких текстов законов. С этим связана и структура данной работы: за каждым разделом с анализом немецкого текста закона следует раздел с анализом русского текста закона. В завершении результаты анализа сопоставляются друг с другом.

В процессе исследования имеют место два направления описания языковых средств:

- 1) от форме к содержанию и функции;
- 2) от функции к форме.

Первое направление находит применение прежде всего в третьей главе данной работы, в которой описываются характерные лексические средства немецких и русских текстов законов, а также в четвертой главе, где анализируются характерные синтаксические средства.

Второе описательное направление прослеживается в пятой главе, в которой речь идет о языковой реализации содержания и логической

формы правовой нормы, а также дефинициях (т.е. определительных нормах), запрещающих и управомачивающих правовых нормах.

Данная работа имеет следующую структуру:

Лингвистические и юридические понятия, релевантные для данного исследования, объясняются во второй главе „Теоретические рамки и центральные понятия“. К ним относятся такие понятия как *специальный язык и язык права, правовые нормы и нормативные тексты, закон, кодификация* и другие. Также в этой главе рассматривается проблематика дефиниции „текст закона“. При этом большое внимание уделяется четкому разграничению лингвистических (особенно лингвистико-правовых) и юридических понятий. Далее объясняются юридические понятия и их соотношение с лингвистико-правовыми понятиями.

В третьей главе на конкретных примерах анализируется лексика и релевантная для словообразования морфология. В частности, описываются и сравниваются распределение частей речи, наиболее характерные способы словообразования, общая и специальная лексика, так называемые „неопределенные правовые понятия“ и „общие оговорки“, а также интернационализмы.

Глава 4 посвящена отдельным вопросам синтаксиса тех и других текстов законов. В языкознании предполагают, что отдельные языки в их принципиальных семантико-синтаксических и прагматических возможностях если и не идентичны, то по крайней мере большей частью одинаковы (ср. JACHNOW 1990:123). Поэтому при контрастировании немецких и русских текстов законов было решено исходить из соответствующих друг другу функций синтаксических явлений, подлежащих описанию (например, исходя из сложности/комплексности предложений, языковой реализации атрибутивных отношений и т.п.). В этой главе рассматриваются: типы предложений, простые и составные предложения, типы придаточных предложений, реализация атрибутивных отношений посредством атрибутивных предложений и партиципальных конструкций (причастных оборотов), а также устойчивых глагольно-именных словосочетаний.

Контрастивный анализ в главе 5 „Языковая реализация ‚основной формы‘, ‚условий‘ и определяющих, запрещающих и управомачивающих правовых норм“ должен показать, с помощью каких специфических языковых средств языковое выражение находят схожие

типы правовых норм в немецких и русских текстах законов. Кроме того, в этой главе показано, как в данных текстах выражаются основные структурные составляющие правовой нормы – гипотеза, диспозиция и санкция.

1.3 К вопросу о выборе исследуемых текстов

На протяжении многовековой истории германского и российского права были созданы тысячи правовых источников. В рамках данной работы их невозможно не только описать, но даже просто перечислить. Историческое сравнение обоих языков в рамках этой работы тоже не предусматривается. В данной работе предпринимается попытка анализа современного состояния немецкого и русского языков права.

Язык права, рассматриваемый как язык всей правовой жизни, охватывает почти неограниченное количество правовых текстов. Последние можно рассматривать как конкретные формы проявления языка права. Человеческая деятельность распространяется на многие сферы жизни, которые в различной степени регулируются правом. Таким образом, на протяжении истории были созданы многочисленные области права (отрасли): гражданское право, уголовное право, трудовое право, административное право, налоговое право и т.д.

В качестве текстов для данного исследования были выбраны тексты из семейного права. При выборе исследуемых текстов должны были быть подобраны тексты законов, содержащие правовые нормы, которые регулировали бы максимально сходные правовые отношения, например, *Eheschließung* = заключение брака или *Ehescheidung* = расторжение брака и т.д. Несмотря на принципиальную схожесть необходимо отметить, что отобранные тексты не содержат идентичные правовые нормы.

Гражданское право охватывает нормы, регулирующие правовые отношения граждан друг с другом. Традиционно семейное право рассматривается в российском праве как самостоятельная отрасль права, в то время как германское право рассматривает его как составную часть гражданского права. Соответственно, нормы германского семейного права содержатся в Германском Гражданском Уложении (ГГУ), в то

время как нормы российского семейного права собраны в отдельном кодексе - „Семейном кодексе Российской Федерации“ (СК РФ).

Тот факт, что российский законодатель отказался от включения норм семейного права в Гражданский кодекс, является отражением мнения советских правоведов о том, что семейное право (по сравнению с гражданским) касается не только имущественных, но и неимущественных (личных) отношений, из-за чего семейные отношения должны регулироваться отдельным Семейным кодексом (ср. статью 2 Семейного Кодекса РСФСР от 1964 г. [ср. BANK 1965]; о делении гражданского и семейного права как различных отраслей права см., напр. Рязенцев В.А. [1971]: Семейное право. Москва. Стр. 13.). До сегодняшнего дня существующее разделение на отдельные отрасли права связано кроме прочего и с тем, что разработка обоих кодексов была поручена различным учреждениям (ср. LIPPOTT 1998:664, см. также M.V. Antokolskaya [1997]: The 1995 Russian Family Code: A New Approach to the Regulation of Family Relations, RCEEL [Review of Central and East European Law]). Новый российский Семейный Кодекс от 1995 года допускает практически неограниченное применение гражданского права к семейным отношениям, если это не противоречит существу последних. В современном российском правоведении исходят из того, что семейные отношения относятся к тем сферам жизни, которые регулируются гражданским правом. Поэтому правовые нормы российского гражданского и российского семейного права соотносятся как общие и специальные правовые нормы (ср. КОММЕНТАРИЙ 2000:33, АНТОКОЛЬСКАЯ 1999:42). Несмотря на формальное разделение российского гражданского и семейного права нормы ГК РФ и СК РФ так взаимосвязаны, что их можно рассматривать как части единого кодекса.

Что касается германского семейного права, то необходимо отметить, что его нормы относятся к различным периодам (как к 1896 - году принятия ГГУ, так и к последующим изменениям – законы от 1957, 1976, 1979 и 1990 гг.). Так, например, нормы о расторжении брака были внесены в ГГУ Первым Законом о реформе брачного и семейного права от 14.6.1976 (das Erste Gesetz zur Reform des Ehe- und Familienrechts vom 14.6.1976). Одно из последних изменений германского семейного права произошло после принятия закона „О новом порядке в праве заключения брака“ от 1 июля 1998 г. (das Gesetz zur Neuordnung des Eheschließungsrechts), в результате чего такие статьи как „Заключение

брака“ (Eingehung der Ehe), „Расторжение брака“ (Aufhebung der Ehe) и другие были сформулированы по-новому.

ГГУ относится к признанным шедеврам юридической законотворческой техники. В юридической литературе его называют „юридически филигранной работой необычайной точности“ и „кодексом частного права с самым точным и последовательным языком права, возможно, всех времен“ (см. Isele [1949]: Ein halbes Jahrhundert deutsches Bürgerliches Gesetzbuch. S. 6; Gmür [1965]: Das Schweizerische Zivilgesetzbuch verglichen mit dem deutschen Bürgerlichen Gesetzbuch. S. 28; цит. по ZWEIGERT/ KÖTZ 1996:143).¹

Для сравнения были отобраны разделы, которые в общем могут быть понятны и неюристам. Методически исходным пунктом стал текст ГГУ, затем были отобраны разделы СК РФ, наиболее близко соответствующие по содержанию.

Из ГГУ были отобраны 134 параграфа, регулирующие семейные отношения (§§ 1297-1470 и §§ 1558-1568: из них 50 параграфов были отменены законами о внесении изменений). Речь при этом идет о правовых нормах, регулирующих следующие сферы:

Помолвка (Verlöbniß §§ 1297-1302),

Заключение брака (Eingehung der Ehe §§ 1303-1312),

Расторжение брака (Aufhebung der Ehe §§ 1313-1318),

Повторное заключение брака в случае объявления супруга умершим (Wiederverheiratung im Fall der Todeserklärung §§1319-1320),

Действие брака. Общие положения. (Wirkungen der Ehe im Allgemeinen §§1353-1362),

Имущественное право в браке (eheliches Güterrecht §§1363-1470, §§ 1558-1563 без раздела „Регулирование общего права собственности“ [Abschnitt d „Auseinandersetzung des Gesamtgutes“] и без раздела „Продолженное право общей собственности“ [Abschnitt e „Fortgesetzte Gütergemeinschaft“]),

Расторжение брака (только „Основания расторжения брака“ [„Scheidungsgründe“ §§ 1564-1568]).

В качестве российского источника права послужил СК РФ, принятый 8 декабря 1995 года с изменениями от 1997, 1998 и 2000 гг.

¹ Здесь и далее перевод автора.

Й. Липпотт (LIPPOTT 1998:664) характеризует СК следующим образом: „СК не представляет собой радикальный разрыв с прошлым, а скорее является продолжением развития существующей правовой традиции, а также представляет собой подгонку под новые конституционно-правовые цели (например, путем расширения регулирования частно-правовой свободы действия) и под изменившиеся условия жизни, прежде всего проявляющиеся в сфере имущественных отношений супругов.“

Текст закона является таким образом хорошим примером новейших тенденций в российском законодательстве и языке права. Для сравнительного исследования из СК были отобраны 56 статей²:

Раздел I „Общие положения“ статьи 1-9,

Раздел II „Заключение и прекращение брака“ статьи 10-30,

Раздел III „Права и обязанности супругов“ статьи 31-46,

Раздел VII „Применение семейного законодательства к семейным отношениям с участием иностранных граждан и лиц без гражданства“ статьи 156-167.

В качестве основания для перевода теста СК РФ на немецкий язык был использован перевод Оксаны Литвинчук (разделы I – III, ст. 1-46). Этот перевод был опубликован в журнале „Германское и европейское семейное право“ (Deutsches und Europäisches Familienrecht [DEuFamR] Band 2, Heft 2 und 3, 2000). Из-за большого числа неточностей и даже ошибок в перевод О. Литвинчук автором данной работы были внесены значительные изменения. Раздел VII (ст. 156 - 167) были переведены на немецкий язык автором данной работы самостоятельно. Перевод вторичной литературы с немецкого на русский был также произведен автором данной работы.

Сравнение текстов, отобранных из обоих кодексов, принципиально может быть произведено. Необходимо отметить, что имущественные отношения супругов в германском праве урегулированы очень подробно, что естественно ведет к тексту сравнительно большого объема. Российский законодатель рассматривает эти отношения как

² „Параграф“ в немецком тексте закона и „статья“ в русском в принципе являются составными частями закона, относящимися к одному иерархическому уровню. Разница в обозначении связана с правовой традицией. В российском праве принято подразделение кодифицированных источников права (кодексов) на статьи, хотя деление на параграфы также имеет место (ср., напр. БУРУЯН 1995).

отношения, урегулированные нормами ГК РФ. Поэтому русский текст содержит лишь ссылки на соответствующие нормы ГК РФ, в результате чего русский текст значительно короче немецкого.

Необходимо отметить, что сравниваемые тексты законов обнаруживают следующие сходства в качестве „*tertia comparationis*“:

- 1) Обе национальные правовые системы относятся к одному „кругу“ или типу права, а именно континентальному праву (ср. раздел 2.2.2).
- 2) Оба текста содержат правовые нормы, регулирующие семейные отношения и являющиеся, таким образом, источниками семейного права.
- 3) Как тексты законов они относятся к одному типу правовых источников (ср. раздел 2.2.3).
- 4) Оба текста взяты из кодифицированных источников права (кодексов) и таким образом представляют собой большие собрания правовых норм.
- 5) Тексты законов являются действующим правом.
- 6) Большой разницы во времени принятия обоих законов нет. Хотя ГГУ было принято в 1896 г., во многие нормы его Четвертой Книги (Семейное право) (*Viertes Buch „Familienrecht“*) за годы существования были внесены многочисленные изменения. Русский текст закона был принят в 1995 г. и также многократно изменялся.

1.4 О состоянии научных исследований по теме

В качестве теоретической основы данная работа использует результаты научных исследований немецких и российских ученых в сфере правовой лингвистики и юриспруденции. Между германскими и российскими научными исследованиями обнаруживается однако определенная асимметрия. В то время как о немецком правовом языке существует большое количество работ, тема „язык и право“ в российском (и прежде всего в советском) языкознании до сих пор не находит аналогичного интереса. Работ о русском языке права не так много. И это объясняется историческими причинами. Советское законодательство, как правило, не

требовало толкования, поскольку правоприменение регулировалось административными инструкциями. Сегодня, когда судьи самостоятельно принимают решения, они должны уделять бóльшее внимание языковой стороне закона. Поэтому к исследованию лингвистических аспектов языка права и закона в настоящее время проявляется бóльший интерес.

Интерес российских юристов к теме проявился прежде всего во время начала перестройки, так как в ходе правовой реформы они столкнулись с проблемами формулировки. Одной из первых работ после перестройки была работа А.С. Пиголкина (1990) „Язык права“, в которой были описаны важные в юридической практике проблемы - такие как синонимичность юридических терминов, отсутствие единой терминологии и др. Так как эта работа появилась в советское время, она, разумеется, не отражает современное состояние российской науки о языке закона. Многие рассмотренные в ней правовые термины уже стали историзмами. Лингвистический вклад этой работы можно охарактеризовать скорее как скромный, ибо работа ориентирована прежде всего на юристов и ими же написана.

В последнее время также появились некоторые работы по данной теме. Прежде всего речь идет о критических исследованиях в области лексики, которые, к примеру, критикуют употребление „жаргонизмов“ в правовых текстах (ср. ВЛАСЕНКО 2000) или указывают на другие языковые недостатки в современном российском законодательстве, например, употребление паронимов и разговорных клише, нарушение норм русского литературного языка, употребление неправильного управления, ошибки в порядке слов и т. д. (ср. ИВАКИНА 2000 и др.). Существенный вклад в исследование современного русского языка права внесла А. Раевская, проанализировавшая изменения в терминологии хозяйственного права со времен перестройки (ср. RAJEWSKY 2000). Ее работа имеет диахронический (исторический) характер.

По сравнению с российской лингвистикой германская наука в области языка права предлагает более широкий спектр исследований. В германской (немецкой) правовой лингвистике можно выделить несколько направлений. Уже были предприняты попытки классификации работ в сфере правовой лингвистики в зависимости от изучаемого лингвистического аспекта. В частности, эти попытки можно обнаружить в библиографиях, классифицирующих по тематическим

группам работы по правовой лингвистике. Естественно, как и любая классификация деление на тематические группы не может рассматриваться как окончательное, поскольку аспекты соприкосновения языка и права очень многообразны.³ Кроме того, подходы к исследованию тем могут вариироваться так, что можно обнаружить „смешанные“ формы исследований.

Самые известные немецкоязычные библиографии по теме „правовая лингвистика“ - библиография Райтемайера (REITEMEIER 1985) и библиография Нуссбаумера (NUSSBAUMER 1997). Они охватывают прежде всего работы по правовой лингвистике на немецком языке. Более объемное собрание литературы на английском языке по теме содержит библиография Ю. Леви („Language and Law“ Judith N. LEVI 1994)

Классификация, предпринятая Нуссбаумером, подразделяет научные работы, в которых анализируются различные аспекты взаимосвязи языка и права, в общей сложности на одиннадцать основных научных направлений:⁴

- 1) Коммуникация в области права (Kommunikation im Rechtsbereich)
- 2) Толкование нормативных текстов (и фактов, содержаний) – юридическая герменевтика и топка (Subsumtion - Auslegung von Normtexten [und von Sachverhalten] - juristische Semantik und Hermeneutik)
- 3) Поиск и обоснование решений – юридическая аргументация, реторика и топка (Entscheidungsfindung und -begründung - juristische Argumentation, Rhetorik und Topik)
- 4) Особенности языка правовых текстов – язык права как специальный язык, язык для профессиональных целей (Sprachliche Eigenheiten von Rechtstexten - Rechtssprache als Fachsprache)
- 5) Дискуссия о понятности языка – Критика языка (Verständlichkeitsdiskussion – Sprachkritik)
- 6) История права и история языка (Rechtsgeschichte und Sprachgeschichte)

³ Одной из самых современных классификаций является классификация Берлинской Рабочей Группы (BERLINER ARBEITSGRUPPE 2000:8).

⁴ Эта классификация применима и по отношению к русскоязычным (пока еще ожидаемым) работам в области правовой лингвистики.

- 7) Общие взаимосвязи между теорией права и языка (Generelle Bezüge zwischen Rechts- und Sprachtheorie)
- 8) Право языка – правовые предписания о языках и их применении (Sprachenrecht - rechtliche Bestimmungen über Sprachen und Sprachverwendung)
- 9) Форензивная (судебная) лингвистика – лингвистический анализ в судебной сфере (Forensische Linguistik - sprachwissenschaftliche Analysen im forensischen Bereich)
- 10) Обучению языку в рамках юридического образования (Sprachausbildung in der juristischen Ausbildung)
- 11) Юридические тексты на занятиях по обучению языку (Juristische Texte im Sprachunterricht).⁵

В соответствии с данной классификацией настоящую работу можно скорее отнести к четвертой группе „Особенности языка правовых текстов – язык права как специальный язык“, поскольку основное внимание в ней направлено на типичные языковые (лексические и грамматические) средства.

В последнее время появилось много публикаций, которые не вошли в вышеуказанные библиографии. Обращает на себя внимание тот факт, что многие из этих новых работ занимаются обсуждением проблемы понятности языка права или юридических текстов, например JASPERSEN (1998); ECKARDT (2000); SCHENDERA (2000); LASSER (2000); DIETRICH/KÜHN (2000) и др. Естественно, также увеличивается количество научных работ, занимающихся семантико-лексическими, переводческими и другими проблемами (см., напр. раздел „LSP for Law“ в MAYER [2001]; MÜLLER/ WIMMER [2001], ARNTZ [2001], ERIKSEN/ LUTTERMANN [Hrsg.] [2002] и др.).

Наряду с исследованиями по правовой лингвистике, ориентированными прежде всего на один национальный язык (напр., только на немецкий, английский, русский язык права), необходимо отметить сравнительные (контрастивные) исследования, изучающие и сравнивающие определенные языковые явления двух различных языков. Так, уже имеют место сравнительные работы, в которых немецкий язык

⁵ В качестве недостатка данной классификации можно было бы указать на отсутствие раздела „Перевод юридических текстов и юридической литературы“ и „Сравнительные работы“. Подробнее об отдельных пунктах данной классификации см. NUSSBAUMER (1997:1ff.).

права контрастируется с другими национальными языками права (например, сравнение немецкого и французского языков права, проведенное Ю. Вюстом [WÜEST 1993]). Судя по числу работ в сфере контрастивной правовой лингвистики, интерес к сравнительным исследованиям сегодня возрастает (см. ENGBERG [1997]; SOFFRITI [1999]; Sammelband von VERONESI [ed.] [2000] и др.).

Сравнительное же исследование немецкого и русского языков права, насколько известно автору данной работы, пока еще не предпринималось (разумеется, за исключением лексикографических исследований, первичная цель которых – составление немецко-русских и русско-немецких юридических словарей). Данная работа представляет собой попытку провести сравнительный лингвистический анализ немецкого и русского языков закона.

В качестве критических замечаний к работам в области правовой лингвистики некоторые немецкие языковеды (см. BERLINER ARBEITSGRUPPE 2002:10f.) указывают, что большинство работ интересны либо с юридической, либо с лингвистической точки зрения, но никогда с той и другой точки зрения одновременно, и что эти работы основываются на „недостаточном эмпирическом материале“.

Автору данной работы хотелось бы избежать упомянутые слабые стороны, стараясь использовать с одной стороны и юридические, и лингвистические знания (хотя из-за определенного дефицита русских литературных источников упор все-таки делается на имеющуюся немецкоязычную литературу в области лингвистико-правовых исследований), а с другой стороны, стараясь делать выводы только на основании эмпирического анализа конкретных немецких и русских текстов законов.